

РУССКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ

Ю. А. Бубнов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена становлению социологической мысли в эпоху русского Просвещения. Анализируется метафизическое содержание русской просветительской социологии в контексте этических категорий – «благо», «счастье», «польза». Проводится компаративистское исследование философско-социологических воззрений русских просветителей и представителей античной и западноевропейской философской мысли.*

Ключевые слова: *Россия, социология, Просвещение, метафизика, благо, счастье, польза, античная философия, западноевропейское Просвещение.*

Abstract: *the article is devoted to the formation of sociological thought in the era of Russian Enlightenment. The metaphysical content of Russian educational sociology is analyzed in the context of ethical categories such as «good», «happiness», «benefit». Comparative study of philosophical and sociological views of Russian educators and representatives of ancient and Western philosophical thought is conducted.*

Key words: *Russia, sociology, Enlightenment, metaphysics, good, happiness, benefit, ancient philosophy, Western Enlightenment.*

Становление социологической мысли в России неразрывно связано с развитием отечественного любомудрия. Многие социальные явления, составившие предмет русской социологии, были пронизаны духом неклассического философствования.

В иерархии исходных понятий социологического знания важное место занимали такие категории, как польза, благо, счастье. Древнерусская книжность не выделяла их из единого религиозно-философского контекста, и внимание средневековых мыслителей к этим терминам определялось тем интересом, который они проявляли к человеку и его внутреннему духовному миру. Русские просветители, секуляризируя содержание этих понятий, меняют их смысловую направленность. Так, под благом они понимали все то, что было полезно людям, т.е. критерием его значимости выступала социальная польза.

Несмотря на связь понятия «благо» с конкретным человеческим бытием, оно, так же как и другие слитные с ним этические категории, не теряло в русской просветительской социологии своей метафизической сущности. Одной из причин сохранения их онтологической наполненности является преемственная связь социологии русского Просвещения с греко-византийской культурой, которая впитала в себя многие черты античного интеллектуального наследия.

Взаимосвязь блага, пользы и человеческого счастья была сформулирована еще в метафизике Платона. Согласно платоновской философии человеку изна-

чально присуще стремление к счастью, которое достигается через пользование и распоряжение такими благами, как богатство, здоровье, красота, родовитость и т.п. Основным инструментарием в этом пользовании и распоряжении выступают человеческие знания и мудрость. Без мудрости все вышеперечисленные «вещи» не могут быть объединены под именем платоновской «идеи блага», так как «из всех остальных вещей, – замечает Сократ в диалоге «Евтидем», – ничто не есть ни добро, ни зло, а вот из этих двух – мудрости и невежества – первая есть благо, второе же зло» [1, с. 170].

Рассматривая благо как необходимое условие человеческого счастья, Платон постепенно увеличивает объем его смысловой сущности, которая раскрывает себя не только в абстрактном философском контексте, но и в абсолютной пользе.

Однако, обретая прагматическую направленность, благо, тем не менее, раскрывается не в познании вещей чувственного мира, а в познании добра и зла в мире. Понятие «полезности» в этом случае трансформируется в метафизическую идею добра. Таким образом, благо в метафизике Платона является принципом, который объясняет смысл и совершенство мира, соответствующие абсолютному добру.

Для западноевропейского классического Просвещения платоновские теоретические конструкции оказались невостребованными, поскольку его метафизические принципы оказались удаленными от реального бытия. Соответственно метафизически

понятое благо, счастье и польза, по мнению французских просветителей, противоречили здравому смыслу. Высшим ценностным критерием для них являлся человек, и разные метафизические основания, в том числе и благо, замыкались на нем и обществе, частью которого он являлся.

Русская социологическая мысль с самого начала была ориентирована на коллективного человека. Однако этот человек в своей жизнедеятельности подчинялся метафизической идее блага, соотношенной с пользой и счастьем. Служение общественному благу рассматривалось отечественными мыслителями по аналогии со служением государству, Отечеству и народу. Не случайно в сочинениях славянского просветителя Юрия Крижанича (1617–1683), стоявшего у истоков отечественной социологической науки, благочестие интерпретируется как один из столпов государства в ряду с богатством, силой и мудростью.

Наивысшим человеческим благом является разум, обладание которым зависит от прохождения возрастных стадий. Лишь в старческом возрасте человек становится мудрым. Мудрость – это благо для человека, и кто ею наделен, тот «силен и крепок». Значимым средством в постижении этого блага, также как и у Платона, становится философия, или мудролюбие.

Философия ведет к познанию причин всяких вещей и позволяет «выяснить, отчего, из чего, каким образом и для чего происходит то или это» [2, с. 143]. Объектом мудрствования у Крижанича выступает не только причинно-следственные связи различных предметов и явлений, но и этические категории – «благо», «счастье», «польза».

Анализ основных положений философско-социологического наследия Ю. Крижанича свидетельствует о сходстве его метафизических воззрений с философским творчеством античных авторов.

Выстраивая свою философско-социологическую концепцию, мыслитель не раз обращался к любомудрию греко-римского мира, творчески перерабатывая его и дополняя сведениями новой исторической эпохи. Этим объясняется генетическая связь метафизической конструкции Крижанича, объединяющей благо, счастье и пользу, с метафизикой Платона.

В конце XVII – начале XVIII вв. прагматизм петровских преобразований нарушает духовно-мировоззренческое единство великорусской культурной традиции, что приводит к столкновению двух типов духовности: религиозной и светской [3, с. 30–31]. В структуре секуляризованного знания религиозно-метафизические принципы, регулирующие общественную жизнь, либо трансформировались в понятия философской метафизики, либо осмысливались как житейские принципы, наделенные свойством объективной социальной пользы. Центральное место

среди этих принципов занимали идеи «общего блага» и «всемирной пользы».

Несмотря на то что верховная власть рассматривалась как божественно установленное правление монарха, получившего свой скипетр от Бога и следующего его воле, главным аргументом обоснования петровских преобразований были ссылки на фундаментальные этические категории – «благо», «польза», «счастье». Указы и распоряжения российского самодержца всякий раз проводили мысль об обусловленности перемен заботой Петра I о «пользе и прибытке общем». Исходившее от русского царя понимание этических оснований проводимых им реформ впоследствии приобретает самостоятельную ценность и становится предметом социологического исследования для многих светски ориентированных русских просветителей. В их сочинениях «принцип общего блага, с одной стороны, воплощается в политической жизни, где трансформируется в идею всемирной пользы, а с другой стороны, воспринимается как необходимый атрибут мирового порядка, как следствие его “исправного” состояния» [4, с. 9].

Религиозные мыслители также видоизменяли традиционные положения прежней метафизики, так как «монопольному господству православного мировоззрения и основанному на нем религиозному почитанию российской государственности был положен предел» [3, с. 31].

Секуляристские тенденции, выразившие собой веяния новой реформационной эпохи, воплотились в многочисленных социологических и философских трудах петровской «ученой дружины» (Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, А. Кантемир).

Значительный вклад в развитие метафизических принципов русской социологической мысли внес ближайший сподвижник Петра I Феофан Прокопович (1681–1736). Основой его социологических воззрений стала заимствованная у Аристотеля метафизическая категория «благо», которая, лишившись своего интеллигибельного содержания, составила важный элемент этико-политического учения античного мыслителя.

Свое понимание блага Прокопович выстраивает исходя из аристотелевского объяснения этой нравственной добродетели. Вместо идеи трансцендентного высшего блага античный философ положил в основание своей этической системы идею рациональности и гармонии, приобретаемую душой в процессе воспитания, за которое несет ответственность государство [5, с. 150].

Размышления Прокоповича о благе неразрывно связаны с его представлением о счастье, к которому человек стремится и обретает в процессе своей жизнедеятельности. Настоящее счастье, согласно ведущему деятелю «ученой дружины», состоит не в бо-

гатстве и славе, а в «хорошем состоянии» души и тела. Возвышение гармонии духовного и телесного в человеке придает воззрениям Прокоповича гуманистическую направленность, где в качестве основной человеческой ценности выступает земная жизнь людей.

Руководствуясь теорией естественного права, Прокопович выступает против гипостазирования категории «счастье», подчиняет ее всеобщему прагматическому принципу пользы. Просвещенный человек «никогда сытости не имеет в познании своем», но, «вкусивши» «доброе учение», должен использовать его с пользой для «дружества» (общества), Отечества и церкви. Вместе с тем и «всякая власть верховная едина своего установления вину конечную имеет – всенародную пользу».

Социологические воззрения Феофана Прокоповича получили свое развитие в творчестве другого представителя «сословия знания» петровской эпохи – Василия Никитича Татищева (1686–1750). Высоко оценивая просвещение общества, Татищев в своем главном труде «История Российская» писал, что «освещение же ума, равно как свет видимый от огня небеснаго или земнаго происходящий, освещает все телеса и видимы нам творит, тако учение и прилежное вещей испытание нам все в мыслях воображенныя свойства к понятию и разсуждению мысленным очам просвещает...» [6, с. 2].

Исходным этическим принципом для Татищева являлся вопрос о соотношении ума и воли человека. От этих двух составляющих души зависят человеческое благо, польза и другие моральные категории. Если между умом и волей присутствует «добрый порядок», то это приносит человеку благополучие, и, наоборот, его отсутствие является причиной несчастья. Поэтому необходимо, «чтоб ум над волей властвовал и сию яко лошадь служащую нашей пользе, а оный яко узду правящую употреблять» [там же, с. 58].

Под «высшим благополучием» Татищев понимает «спокойность души или совести», которое возможно лишь в условиях «истинного совершенства», предполагающего постоянное исполнение человеческой воли. Однако не всегда содержание желаний или склонностей воли способствует сохранению благополучия. Когда такие волевые склонности, как «любопытствие, любоимение и плотиугодие» в человеке «порядочны и умеренны», то они «полезные и нужные» и составляют человеческие добродетели. «Беспорядочность и надмерность» этих склонностей свидетельствует о их вреде и губительности. Поэтому, превратившись в «злодеяния» или «страсти», желания воли нарушают «спокойность души» и лишают человека его благополучия.

Метафизический принцип благополучия концептуализируется у Татищева в категорию «пользы»,

проявляющейся в служебной ревности монарху и Отечеству. Активное служение общественному делу, «общей пользе» становится новым критерием оценки человеческой деятельности. Если в эпоху русского Средневековья человека ценили за его богоугодные «деяния», которые непосредственно были связаны с культовой деятельностью или подчинялись общим правилам религиозной жизни, то русские просветители со второй половины XVII в. главную заслугу человека видят в его мирской жизни: энергия и труд человека стали отделяться в их воззрениях от церковной интерпретации, ранее обязательной [7, с. 58–59].

Стремление к общественной пользе через «снискание истинного, а не притворного благополучия» явилось лейтмотивом литературного творчества другого видного сподвижника Петра I – писателя-сатирика, дипломата Антиоха Дмитриевича Кантемира (1709–1744). Отстаивая идеалы Просвещения, Кантемир силой поэтического слова пытался воспрепятствовать возвращению вспять, к застывшему старомосковскому быту. Бесконечное довольство защитников старых порядков своей неустроенностью, грубым материальным эгоизмом возмущало русского мыслителя, поэтому своими сатирами он стремился сформировать такое общественное мнение, которое способствовало бы «исправлению нравов и старых грехов ради будущего блага». Идея «общего блага» у Кантемира связана с житейской целесообразностью. Ею он руководствуется в своей жизни и в оценке деятельности других людей. Основным средством в достижении общественного блага у него выступает верховная власть в лице монарха-преобразователя, которому поэт посвятил немало пафосных строк в знаменитой «Петриде»:

Петра когда глаголю – что мудрость не заключаю
В той самой речи? Мудрость, мужество к случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попечение, приятность умильну,
Правдивого судию, царя домостройна,
Друга верна, воина, всех лавров достойна, –
Словом, все, что-либо звать совершенным можно.
[8, с. 241]

Отталкиваясь от сходного с Ф. Прокоповичем понимания принципа общего блага как цели государства и основной обязанности монарха, Кантемир возводит следование общему благу в нравственный критерий:

И кто за отечество положит жизнь твердо;
Память его честна быть ввеки заслужила.
[там же, с. 133]

Только сильная государственная власть способна, по мнению просветителя, обеспечить благополучие Отечества, которое является для него высшей ценностью. Однако в отличие от других «птенцов Пет-

ровых», русский поэт далек от безоговорочной поддержки монархической власти. Не всегда деятельность правителя соответствует его основной функции – заботе о благе народа. Нередко в лице монарха народ видит «тирана, такого который любит войну», или без причины «сильно злоенравен». С годами Кантемир все настойчивее предостерегает об опасности для общего блага, которая скрыта в монархическом правлении [9, с. 89].

Достижение общего блага является практической целью не только правителя, но и каждого гражданина, так как только общими усилиями можно обеспечить процветание государства. Поэтому общее благо выражается в общей пользе, где, по замечанию писателя, он видит и свою собственную пользу («в общей я пользе собственную чаю»). Таким образом, личность у Кантемира как бы растворяется в народе и государстве.

Таким образом, несмотря на то, что социологические проблемы не являлись для основной массы русских просветителей предметом самостоятельного исследования, их этико-метафизические интенции позволяли более углубленно проникнуть в понимание основополагающих принципов общественной жизни, закладывая тем самым основы отечественной социологической науки.

Воронежский государственный университет

Бубнов Ю. А., доктор исторических наук, профессор, декан факультета философии и психологии, проректор по контрольно-аналитической и административной работе

E-mail: bubnov@vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-77-73

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1.
2. Крижанич Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М., 1997.
3. Зимин А. И. Евроцентризм и русское культурно-историческое самосознание : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. И. Зимин. – М., 2000.
4. Малинов А. В. Проблемы философии истории в русской просветительской идеологии XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Малинов. – СПб., 1999.
5. Донских О. А. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии / О. А. Донских, А. Н. Кочергин. – М., 1993. – 239 с.
6. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. – М., 1763. – Кн. I, ч. I.
7. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века / А. С. Демин. – М., 1977.
8. Кантемир А. Собрание стихотворений / А. Кантемир. – Л., 1956.
9. Бобынэ Г. Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира / Г. Н. Бобынэ. – Кишинев, 1981.

Voronezh State University

Bubnov Yu. A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy and Psychology, Vice Chancellor for Analytical and Administrative Work

E-mail: bubnov@vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-77-73